

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
ТБИЛИСИ

8 МАЯ 1978

г. Тбилиси

Счастье актрисы

СЕГОДНЯ В ПОМЕЩЕНИИ ТЕАТРА ИМЕНИ А. С. ГРИБОЕДОВА СОСТОИТСЯ ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР Н. М. БУРМИСТРОВОЙ

НАТАЛЬЯ Бурмистрова приехала в Грузию тридцать лет назад. Уже тогда она могла смело сказать о себе — прожитая целая жизнь! Родилась и выросла за кулисами. С шести лет на сцене. В семь лет уже вступала в ожесточенные споры с режиссером, решая важную проблему, откуда следует выходить коту в сапогах, из правой кулисы или из пещки! После окончания десятилетки работала в Томске, на Дальнем Востоке, в Казахстане. В театрах, разумеется. Потом война. Она застала ее в Гродно на гастролях. Потом добиралась до Москвы. Через Смоленск. Затем эвакуация. Казань. Работа в паровозном депо. А параллельно — краткосрочные курсы медсестер. Попала в распоряжение санитарного поезда, который вывозил раненых бойцов с самых передовых позиций фронта. Здесь же в часы затишья молодая санитарка возвращалась к своей актерской профессии — причисляла участие в концертах, пела бойцам фронтовые песни. Совсем как в том знаменитом фильме военных лет — «Актриса»...

Актриса Наталья Михайловна Бурмистрова говорит сегодня. «Я счастлива, что мой характер, мое мировоззрение, мои взгляды формировались среди людей, с которыми я встречалась на сцене».

Это, действительно, счастье! Но счастье «невесомо» и не очевидно, если не понять, что оно требует постоянного насыщения, ответной отдачи.

Бурмистрова это поняла. Она познала радость отдачи, сознание долга перед людьми, перед избранной профессией. Ее актерская и гражданская жизнь могут служить прекрасным

примером самоотверженного труда человека, целиком посвятившего себя служению высокому искусству, служению своему народу.

Тридцать лет прошло с тех пор, как грузинский народ принял и полюбил замечательную актрису русского театра Наталью Бурмистрову. В Грузии для нее началась вторая жизнь, жизнь, полная беспокойных исканий, постоянных тревог и творческих озарений. Жизнь трудовая, насыщенная, неуспокоенная.

Город наш, впитавший, как славную традицию, благоговейное уважение к русской театральной культуре, всегда активно жил жизнью русского театра. Театр этот всегда занимал достойное место в развитии культуры Грузии. Тем большая ответственность ложилась на молодую актрису. Вступив в труппу театра имени А. С. Грибоедова, где жили добротные традиции высокой сценической культуры — актерской, режиссерской, репертуарной, Бурмистрова оказалась в положении далеко не легком. Надо было выдержать еще одно испытание в жизни — удерживать высоту, не спускаться перед трудностями, не уехать, наконец, в погоне за более «выгодными шансами» — бывало ведь и такое с актрисами!

Наталья Бурмистрова выдержала и это испытание. Не затерялась в мощном многоголосье старших, никуда не уехала и навсегда связала свою судьбу с Грузией. Стала актрисой Грузии. Здесь сформировалась творчески. Здесь получила почетные звания заслуженной и народной артистки республики, а затем и народной артистки Советского Союза. Дважды избиралась де-

путатом Верховного Совета Грузинской ССР. Всегда активно участвовала в общественной жизни республики и города, стала членом Грузинского республиканского Комитета защиты мира.

Боевое крещение актрисы произошло в образе Тани из одноименной пьесы А. Арбузова. Случилось так, что именно этот образ открыл ей доступ к сердцу зрителя. Подкупали молодость, обаяние, искренность, трогательная незащищенность и серьезная деловитость героини Бурмистровой. А саму Бурмистрову прозвали в городе Таней. И долгое время, когда появлялась она на сцене уже в других пьесах и в других ролях, говорили: идите смотреть такой-то спектакль, там играет Таня.

Быстро пришли к Наталье Михайловне известность, успех, популярность. Да и роли устремлялись к ней беспрепятственным потоком — в них она не знала никогда недостатка. На сцене родного театра она сыграла их свыше семидесяти. Ее репертуару могла бы позавидовать любая актриса. Она играла Ларису Огудалову («Бесприданница» А. Островского) и Нину Заречную («Чайка» А. Чехова), Лизу («Дворянское гнездо» И. Тургенева) и Машу («Живой труп» Л. Толстого), Рашель («Васса Железнова» М. Горького) и Лиuzu («Коварство и любовь» Ф. Шиллера, ибсеновскую Нору и многое другое из мировой классики. А сколько замечательных образов создала Бур-

мистрова в пьесах советских драматургов! Рука об руку со своими современниками прошла она свой путь в искусстве, любила их играть, любила находить в них то, чему сама привыкла беззаветно служить, ощущала всегда свою причастность к их судьбам.

Н. Бурмистрова никогда не ограничивала себя понятием амплуа. Для нее не существовало границ в выборе тем и характеров. Напротив, вникая в суть ее сценических созданий, убеждаешься в том, что актриса словно преднамеренно стремилась всегда к театральному многообразию, к жанровой и тематической широте, утверждая всякий раз свою творческую «незамкнутость», широту актерского диапазона, а вместе с ним и широту своих сценических возможностей.

Я вспоминаю одну из первых ее ролей на сцене грибоедовского театра — Надежду Романову в пьесе А. Коонейчука «Калиновая роща». Сколько живого, непосредственного задора было в ее исполнении! Какая ясность и чистота человеческих чувств озарили собой весь спектакль! А вслед за Надеждой — острая, сатирическая, лихая Поэма из пьесы В. Минко «Не называя фамилий» и вскоре снова «возвращение» в мир глубоких, драматических коллизий — создание нелегкой роли Ольги в пьесе Арбузова «Годы странствий». Затем снова острота и хлесткость сценического рисунка — Бурмистрова сыграла роль артистки Бородинной в веселом водевиле Ц. Солодаря «В сиреневом саду», сыграла звонко, весело, легко, а затем создала вскоре почти гротесковый образ Таски Грачевой в пьесе К. Финна «Старый дурак». Актриса не побоялась в этой роли быть смешной, некрасивой, угловатой. Резкие, разухабистые движения, такой же резкий окаяющий говор, неуклюжие повадки и необычайная душевность Таски — все перемешалось в этом смешном и глубоко человеческом образе героини Бурмистровой, рождая симпатии зрителя. И рядом с этой смелой сценической характерностью, или, точнее, одновременно с

ней, в творчестве актрисы снова возникали серьезность и деловитость интонаций, блестяще проявлявшиеся в таких ее ролях, как Елена Кольцова («Чрезвычайный посол» бр. Тур), Софья Ковалевская («Ценою жизни» бр. Тур), Нила Сникко из пьесы А. Салынского «Барабанщица». Тем, кто видел барабанщицу Нилу в исполнении Бурмистровой, трудно забыть, с какой покоряющей трепетностью, драматизмом и мужеством играла актриса роль самоотверженной героини. Кто знает, сколько таких героинь встречала санитарка Наташа во время своих регулярных поездок на передовые позиции!..

Актриса Грузии Бурмистрова всегда была близка грузинскому театру, знает и понимает специфику этого театра, дружит с его лучшими деятелями. В ее репертуаре есть и «грузинские роли». Одна из них особенно примечательна, это — Гаяне из пьесы Ило Мосшвили «Потопленные камни».

Мне трудно сказать, где, в каких из этих несхожих между собою ролях была Бурмистрова «в своей стихии». Да и сама она вряд ли сможет ответить на этот вопрос. Но вот с безошибочной точностью можно сказать другое: что бы ни играла актриса, в какой бы из сложных сценических ситуаций ни оказывалась, она всегда оставалась тем вдумчивым и ответственным человеком, для которого превыше всего на свете честное и глубоко профессиональное отношение к любой, пусть даже небольшой роли, ко всему, что создается в коллективе, усиливается всех членов его и выносятся на суд зрителя.

Она всегда была и остается Актрисой в самом высоком и почетном смысле этого слова. Не знает полозинчатости. Не знает компромиссов. Всегда подтянута. Всегда, как говорится, «в форме», во всеоружии, в строю, в боевой готовности.

Актерское и гражданское мужество Натальи Бурмистровой позволило ей, еще в годы творческого расцвета (когда так хочется играть роли моло-

дых героинь и не каждому дано умение отступить от этого желания) перейти на роли пожилых, сделать этот решительный и непростой «скачок», доступный далеко не каждому. И тогда стало происходить еще одно своеобразное «расширение» просторов ее актерского мира, или, вернее, — его обогащение. Так появились в ее репертуарном списке и Софья Ковалевская, и Люси Купер («Уступи место завтрашнему дню» Дельмара) и профессор Сабурова («Единственный свидетель» бр. Тур) и, наконец, последние ее роли Эржебет Орбан в пьесе Эркеня «Кошки-мышки» и фрейлен фон Цанд в «Физиках» Дюрренматта.

Так живет в искусстве Наталья Бурмистрова — широко, незамкнуто, щедро, красиво. Живет не для себя, для тех, кто ее окружает, для людей. Добрая, отзывчивая, она умеет быть нужной людям, умеет понимать их печали и заботы, сама печалиться и заботиться о них. Сколько она помогла, как депутат! Многочисленные письма благодарности от простых людей — лучшее тому свидетельство.

Одна из любимых героинь Натальи Михайловны — Софья Ковалевская — обращалась в финале к зрительному залу, к своим потомкам и говорила им напутственные слова о жизни, о борьбе, о человеке, о его праве дерзать. Вспоминая сегодня этот торжественный финал спектакля и в нем — Бурмистрову — Ковалевскую, я думаю невольно о том, что высокие и задушевные слова о смысле жизни Наталья Михайловна могла бы смело сказать своему зрителю и от себя, от своего имени. Она познала в совершенстве этот глубинный смысл жизни, познала не из книг, лекций и рассказов, а через собственный жизненный опыт, всю радостную выстраданность своего творческого и гражданского бытия. Именно в этом ее подлинное актерское счастье.

Этери ГУГУШВИЛИ.